

Научная статья

УДК 81'271

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-105-119

**Формальные маркеры и содержательные доминанты
руссоцентрического дискурса:
кросс-языковое корпусное исследование**

**Елена Владимировна Белоглазова¹, Наталья Андреевна Осьмак²
Екатерина Константиновна Шувалова³**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

¹evbeloglazova@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

²nataliaosmak@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>

³eka.sorokina1987@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-7394-7040>

Аннотация

Целью представленного в статье исследования является выявление маркеров иноязычного руссоцентрического дискурса на поверхностном и глубинном уровнях. Эмпирической базой для исследования послужил корпус заголовков аутентичных англо-, финно- и японоязычных изданий о России, охватывающих XVIII–XXI вв. Заголовки рассматриваются как важнейшая часть текста, в которую выдвигается наиболее значимая информация, выступающая концентратом репрезентируемого дискурса. Исследование включает три датасета – англоязычный, финноязычный и японоязычный подкорпусы общим объемом 590 заголовков. Собранный материал был подвергнут анализу с помощью стандартных инструментов корпусного анализа, а также глубинному дискурсивному анализу, результатом которого стала ручная аннотация корпуса по 7 группам параметров. Анализ поверхностной структуры дискурса фокусируется на структурно-синтаксическом, лексическом и стилистическом аспектах. Структурно-синтаксический анализ выявил ряд повторяющихся моделей, глубинный анализ которых показал, что, будучи отчасти обусловленными жанровым канонизмом заголовка, некоторые модели в то же время выступают актуализаторами ключевых для дискурса концептов. Стилистический анализ выявил типовой, ограниченный набор стилистических приемов, также отчасти коррелирующих с жанровым канонизмом заголовка (аллитерация), но отчасти участвующих в вербализации концептуальных доминант дискурса (метафорика, интertextуальность). Лексический анализ позволил определить два маркера – жанровый (вербализация жанра издания) и дискурсивный (ксенонимы-русизмы). Кросс-языковое сравнение стратегий введения русизмов в иноязычные описания России выявило наиболее высокую специфичность японоязычного руссоцентрического дискурса, где способ введения и маркирования ксенонимов предзадан их статусом «гайрайго». Выявленная специфика, однако, укладывается в лингвистические закономерности языка вторичной культурной ориентации, что позволяет говорить об универсальном механизме культурной переориентации языка. Выявление содержательных доминант руссоцентрического дискурса основывается на двух подходах: (1) категоризация ключевых слов подкорпусов; (2) интерпретация результатов семантического аннотирования. Полученные данные позволяют говорить о частичном пересечении перечня содержательных доминант в анализируемых вариантах дискурса при различиях в выборе репрезентантов ключевых для дискурса концептов.

Ключевые слова

иноязычный руссоцентрический дискурс, русизм, корпус заголовков Rossica-T, структурно-синтаксическая модель, стилистический маркер, лексический маркер, содержательная доминанта дискурса

Финансирование

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена; грант ИВГ «Универсальные и лингвоспецифические механизмы иноязычного описания русской культуры»

© Белоглазова Е. В., Осьмак Н. А., Шувалова Е. К., 2024

Для цитирования

Белоглазова Е. В., Осмак Н. А., Шувалова Е. К. Формальные маркеры и содержательные доминанты руссоцентрического дискурса: кросс-языковое корпусное исследование // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-105-119

Formal Markers and Conceptual Mainstays of the Russia-Centered Discourse: a Cross-Linguistic Corpus Study

Elena V. Beloglazova¹, Natalia A. Osmak²
Ekaterina K. Shuvalova³

Herzen State Pedagogical University
Saint Petersburg, Russian Federation

¹evbeloglazova@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

²nataliaosmak@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1436-6225>

³eka.sorokina1987@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-7394-7040>

Abstract

The paper aims at identifying the key features of the Russia-centered discourse both on surface and deep levels. The empirical basis for the research is comprised by the Rossica-T corpus of book titles, encompassing data for 18-21 centuries. Titles are viewed as the most distinguished parts of texts, to which the most significant information is promoted, thus forming the quintessence of the discourse they represent. The research is based on three datasets – the English, Finnish and Japanese subcorpora totaling 590 titles. The data was subject to analysis with the help of the AntConc corpus manager toolkit and deep discourse analysis underlying the manual annotation of the corpus along seven groups of parameters. The surface level analysis focuses on three aspects: syntactic, lexical, and stylistic. The syntactic analysis revealed a spectrum of structural patterns whose frequency is largely conditioned by the requirements of the title genre; yet, being genre-conditioned, they are also partly discourse-conditioned, serving to verbalize key concepts of the Russia-centered discourse and to expand the structure of the title so as to maximize its expressive capacity. The stylistic analysis allowed us to identify a restricted set of stylistic means, partly correlating with the genre canon (e.g. alliteration), and partly – with the discourse canon (e.g. metaphors, intertextual links). The lexical analysis helped determine two markers – a genre-specific (naming the genre of the book the title represents) and a discourse-specific (xenonymic Russianisms). Cross-linguistic comparison of strategies introducing Russianisms into texts describing Russia in different languages revealed the greatest degree of specificity of the Japanese-language discourse where the method of introducing and marking Russianisms is predetermined by their “gairaigo” status. Yet, this specificity does not go contrary to the norms and regularities of the language of secondary cultural orientation, which allows for the conclusion of a universal mechanism of a language cultural reorientation. The task of identifying the conceptual mainstays of the discourse was approached in two ways: (1) categorization of the subcorpora keywords and (2) interpretation of the subcorpora semantic annotation results. Both approaches allow for the conclusion of a partial overlap in conceptual mainstays for the three discourse types, with a noticeable variation in the choice of the key concepts’ representants.

Keywords

External-language Russia-centered discourse, Russianism, Rossica-T titles corpus, syntactic model, stylistic marker, lexical marker, conceptual mainstay

Funding

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia; grant 1VG “Russian culture through the prism of foreign languages: universal and language-specific mechanisms.”

For citation

Beloglazova E. V., Osmak N. A., Shuvalova E. K. Formal markers and conceptual mainstays of the Russia-centered discourse: a cross-linguistic corpus study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-105-119

Введение

Широко известно определение России, данное Уинстоном Черчиллем в радиовыступлении в октябре 1939 года, как «загадки, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки» [Churchill, 1939. С. 6]. На протяжении веков Россия приковывает к себе внимание исследователей и просто любопытствующих; при этом неоднозначность образа России, в котором террор и кровопролитие сочетаются с духовностью и красотой, скорее добавляют ей привлекательности в массовом сознании. И пусть далеко не всякий любопытствующий осмелится или сможет позволить себе увидеть Россию своими глазами, тем более востребованным оказывается косвенный туризм, опосредованный книгами, СМИ, фильмами, видеоиграми. В мире постправды, где именно семиотически конструируемая реальность является непосредственной средой обитания современного человека, на передний план выходят не факты и события, а их вербализация.

Настоящее исследование посвящено иноязычному руссоцентрическому дискурсу, в частности конструированию образа России в иноязычной публицистике.

Предварительные исследования породили гипотезу о том, что образ России по-разному конструируется в различных иноязычных руссоцентрических дискурсах; и при общих или сходных лингвистических механизмах иноязычного описания культуры, коррелирующие дискурсы будут различаться, прежде всего, содержательными доминантами, опорными для конструируемого концепта RUSSIA.

В данной статье делается попытка сопоставления конструируемого образа РОССИИ в англо-, фино- и японо-язычном руссоцентрическом дискурсе.

1. Теоретический фундамент исследования

Исследование основывается на принципах и положениях ряда научных направлений.

1. Интерлингвокультурология – научное направление, основанное В. В. Кабакчи, в фокусе внимания которого находятся языковые механизмы адаптации языка к описанию внешней для него культуры. Не вдаваясь в детальное описание теории интерлингвокультурологии, введем некоторые важные для данного исследования термины и положения:

- Иноязычный руссоцентрический дискурс является результатом *вторичной культурной ориентации языка*, которая определяется В. В. Кабакчи как «адаптация арсенала его выразительных средств при ориентации языка в область внешних (иноязычных) культур» [Кабакчи, Белоглазова, 2020. С. 25]. Из этого определения явствует, что культурная переориентация языка неизбежно влечет изменения в арсенале его выразительных средств. В частности, они пополняются за счет культуронимов описываемой внешней культуры, изначально отсутствующих в языке описания;
- Культуронимы, закрепленные за специфическими элементами «чужой», иноязычной, внешней культуры, обозначаются термином *ксеноним* [Кабакчи, Белоглазова, 2020. С. 29]. Существует широкий спектр способов введения ксенонимов в язык описания. Отсутствие предзаданных способов их введения и фиксированного набора терминов описываемой культуры порождает существенную вариативность в конструировании дискурса вторичной культурной ориентации, его зависимость от языка описания, времени описания и других параметров.

2. Теория выдвижения, восходящая к теории остранения. Остранение изначально связывалось В. Б. Шкловским с «затрудненной формой, увеличивающий трудность и долготу восприятия» [Шкловский, 1925]. В другой работе, поясняя значение термина, В. Б. Шкловский пишет: «Отстранение – это удивление миру, его обостренное восприятие» [Шкловский, 1970]. И затрудненная форма, и удивление странному являются сущностными чертами ксенонимов,

выступающих важнейшими средствами выдвижения, и ключевыми маркерами дискурса иноязычного описания культуры.

3. Теория сильных позиций текста, титология. Заголовок является частью канонической структуры текста, на что указывает наиболее широко цитируемое и общепринятое определение текста, сформулированное И. Р. Гальпериным [Гальперин, 1981. С. 18]. Без заголовка текст невозможно каталогизировать, к нему гораздо сложнее отослать читателя. На особое место заголовка в структуре текста также указывает факт признания его «сильной позицией» текста, «обеспечивающей выдвижение на первый план важнейших смыслов текста» [Арнольд, 1978. С. 23].

Отмеченный статус заголовка обусловил наше внимание именно к этому элементу текста в изучении массива иноязычной литературы, посвященной России (Rossica). Заголовок мы рассматриваем одновременно и как часть текста, и как относительно самостоятельный вторичный текст, выступающий представителем своего предтекста, привлекающий к нему внимание и задающий его интерпретацию.

4. Теория лингвокультурных концептов В. И. Карасика, исходящей из того, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом.

Лингвокультурные концепты являются «знаками своеобразия той или иной лингвокультуры» [Карасик, 2004]. Выстраивая определение лингвокультурных концептов, В. И. Карасик приводит мнение В. П. Нерознака, указывающего на то, что признаком концепта национальной культуры является его непереводаемость. Такой непереводаемой лексикой и являются ксенонимы описываемой культуры, вводимые в дискурс иноязычного описания культуры как не имеющие эквивалентов, но значимые для описания.

5. Теории дискурса, который, согласно Ю. С. Степанову, представляет собой двухуровневую структуру, на глубинном уровне которой находится «ментальность», а на поверхностном уровне – ее языковое выражение [Степанов, 1995. С. 38]. Т. ван Дейк, предлагая сходное описание структуры дискурса, использует термины *макроструктура* и *суперструктура* [Ван Дейк, 1989].

Обосновывая концептологический подход к лингвокультурной специфике дискурса, Г. Г. Слышкин пишет: «... концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминирован культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000. С. 6].

Анализируя руссоцентрический дискурс, мы пытаемся выявить в нем элементы внешней для дискурса культуры, пропущенные сквозь сознание дискурсивной личности и вербализованные в языке описания, порой преодолевая сопротивление этого языка.

2. Методологический фундамент исследования

Методика исследования включает в себя следующие составляющие.

1. Составление и ручная разметка пилотного корпуса заголовков научно-популярных и публицистических книг о России, включая:

1) англоязычный подкорпус ROSSICA-T-Eng, состоящий из 370 заголовков, охватывающих период 1699–2023 гг.;

2) финноязычный подкорпус ROSSICA-T-Fi, состоящий из 120 наименований и охватывающий период 1859–2023 гг. Более ранние издания, опубликованные изначально на шведском языке и переведенные на финский, в корпус не вошли как не удовлетворяющие требованию аутентичности;

3) японоязычный подкорпус ROSSICA-T-Jap, состоящий из 100 заголовков, охватывающих период 1889–2023 гг.

2. Обработка корпуса с привлечением стандартных инструментов корпусного анализа, выявление и категоризация ключевых слов.

3. Получение и интерпретация статистических данных по выделенным параметрам аннотирования корпуса.

4. Профилирование идентифицированных ксенонимов-русизмов в справочных корпусных базах данных (COCA и BNC для английского языка; корпуса газетных текстов для финского языка; BCCWJ для японского языка).

5. Дискурсивный анализ собранного материала, направленный на выявление маркеров руссоцентрического дискурса на уровне глубинной и поверхностной структур.

3. Результаты исследования

В анализе формальных особенностей анализируемого текстового материала мы коснемся трех аспектов: структурно-синтаксического, лексического и стилистического.

В **структурно-синтаксическом отношении** обращает на себя внимание стереотипность структуры заголовков, в которых можно выделить повторяющиеся модели (табл. 1).

Таблица 1

Структурные модели заголовков руссоцентрического дискурса

Table 1

Structural models of headlines in Russia-centered discourse

Маркер дискурса	Rossica-T-Eng	Rossica-T-Fi	Rossica-T-Jap
1	2	3	4
Модель 1а. [тезис: пояснение]	E. g. 1. Russia in Arms: A story of the czar's troops (букв. Вооруженная Россия: история военных сил царя)	E. g. 2. Näkymätön Venäjä: kirjoituksia Pietarista (букв. Невидимая Россия: записки о Петербурге)	E. g. 3. ロシアのなかのソ連: さびしい大国、人と暮らしと戦争と (букв. Советский Союз в России: одинокая великая держава...)
Модель 1б. [вопрос: пояснение]	E. g. 4. Is Russia Fascist?: Unraveling Propaganda East and West (букв. Фашистская Россия?: раскрывая пропаганду на Востоке и Западе)	E. g. 5. Kuka omistaa Venäjän?: omistamisen ja vallan dynamiikka Venäjällä (букв. Кому принадлежит Россия?: динамика собственности и власти в России)	E. g. 6: ロシア やはり恐ろしい闇の歴史: 教科書に載らない暗黒の履歴とは (букв. Страшная тьма истории России: какова та темная история, которой нет в учебнике?)
Модель 2а. [РОССИЯ и X] Subj	E. g. 7: Russia and Reform (букв. Россия и реформа)	E. g. 8: Venäläinen kapitalismi ja Suomi (букв. Русский капитализм и Финляндия)	E. g. 9: ロシア文学とセクシュアリテイ (букв. Русская литература и сексуальность)

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Модель 2б. [НОСИТЕЛЬ ВЛАСТИ и X] Subj	E. g. 10: The march of Muscovy: Ivan the Terrible and the growth of the Russian Empire 1400–1648 (букв. Марш Московии: Иван Грозный и рост Российской Империи в 1400–1648 гг.)	E. g. 11: Stalin ja suomalaiset (букв. Сталин и финны)	E. g. 12: プーチンとロシア人 (букв. Путин и русские)
Модель 2в. [N+N] AdvM	E. g. 13: Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin (букв. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным)	E. g. 14: Neuvostoliitto muistoissa ja mielikuvissa (букв. Советский Союз в воспоминаниях и образах)	E.g. 15: ロシアのユーモア—政治と生活を笑った300年 (букв. Русский юмор: 300 лет смеха над политикой и жизнью)
Модель 3. [РУССКИЙ X]	E. g. 16: Russian Zone (букв. Русская зона)	E. g. 17: Venäläinen Suomi (букв. Русская Финляндия)	E.g. 18: 「帝国」ロシアの地政学 (букв. Геополитика «имперской» России)

Приведем некоторые обобщения и пояснения относительно описанных выше типичных для заголовков *Rossica* структурных моделей.

Во-первых, наиболее явственной характерной особенностью заголовков *Rossica* является двухчастная структура (см. Модель 1 в табл. 1): в английском материале доля заголовков, основанных на этой модели, составляет 65 %, в финском и японском – около 40 %. Тем не менее мы не рассматриваем ее как особый маркер руссоцентрического дискурса. Дж. Люисон и Дж. Хартли [Lewison, Hartley, 2005] указывают на прямую взаимосвязь между указанной структурой и информативностью заголовка, отмечая, что данный прием позволяет удлинить заголовок, включить в него больше смысловых опор.

При существенной детализации содержания заголовков может приобретать черты аннотации в память о том, что еще относительно недавно они были единым синкретичным типом текста:

E. g. 19: American Kompromat: How the KGB Cultivated Donald Trump, and Related Tales of Sex, Greed, Power, and Treachery (букв. Американский компромат: как КГБ пестовало Дональда Трампа и прочие истории о сексе, жадности, власти и предательстве).

E. g. 20: Kalenteri-Kansan 1910: Suomalainen Wenäjällä wuodelle 1910 jälkeen Kristuksen syntymän 32 vuosikerta (букв. Народный календарь 1910: финн в России в 1910 году от Рождества Христова, книга 32).

E. g. 21: ウクライナ戦争をどうみるか: 「情報リテラシー」の視点から読み解くロシア・ウクライナの実態 (букв. Как смотреть на войну на Украине: понимание реалий России и Украины с точки зрения «информационной грамотности»).

Таким образом, можно предварительно заключить, что описанная структурная черта призвана раздвинуть границы заголовка как предельно компактного типа текста и позволить включить в него максимальное число содержательных опор.

Другим аспектом рационала данной модели является введение стилистически маркированной части, призванной выполнять апеллятивную и индивидуализирующую функции заголовка. Так, одна из частей модели может быть оформлена в виде риторического вопроса. Семантика вопроса коррелирует с одной из содержательных доминант *Rossica* – концептом ТАЙНА/ЗАГАДКА. В примере 4 этот концепт вербализуется одновременно вопросом и лексемой “unravel” (букв. раскрывать, разгадывать).

Другой типичной для рассматриваемого материала структурой является [N + N] (см. Модель 2 в табл. 1), зачастую дополняющая конструкцию с двоеточием. Одним из слотов в данной конструкции обычно вербализуется концепт РОССИЯ – эксплицитно (прямым наименованием страны), метонимически (топонимом или антропонимом: е. г. “Putinlandia”) или метафорически (е. г. “Land of the Czar”), неологически (е. г. 「おそろシア」 «Осоросиа», игра слов «осоросий» (букв. жуткий, страшный) и «росиа» – Россия).

При вариативности синтаксических ролей (маркируемых в финском языке разными падежными формами) наибольшей частотностью отличается субъектная конструкция (Модель 2а, б). На втором месте по частотности стоят однородные обстоятельственные конструкции с разным значением (Модель 2в).

Третьей из отмеченных моделей является генитивная конструкция [Россия.Gen/Русский + N], фокусирующая внимание на каком-либо аспекте концепта РОССИЯ (см. Модель 3 в табл. 1).

Таким образом, в структурно-семантическом отношении были выделены общие для всех рассматриваемых языков структуры.

В **стилистическом отношении** обращает на себя внимание привлечение в какой-то мере типового, ограниченного набора стилистических приемов, коррелирующих с апеллятивной функцией заголовка, но в силу высокой стандартизованности слабо реализующих индивидуализирующую функцию.

Так, авторы нередко прибегают к звуковой аранжировке заголовка с помощью фонетического повтора, к смысловой переключке (антитезе) и к интертекстуальным отсылкам (табл. 2).

Заголовки *Rossica* нередко содержат отсылки к прецедентным текстам о России (см. примеры 28–30). Причем корпус этих прецедентных текстов отчасти совпадает для рассматриваемых языков.

Так, оригинальное русское название романа Л. Н. Толстого «Война и мир» “просвечивает” в кальке на англ. “War and Passion” (букв. «Война и Страсть»), финск. “Sotaa ja rauhaa – Suurvaltakilpailu, etupiirit ja Suomi” (букв. «Война и мир – Соперничество великих держав, сферы интересов и Финляндия»), и яп. 「へいわとせんせそう」 (букв. «Мир и война»).

В англоязычном материале также обнаруживаются отсылки к названиям романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, пьесы «Три сестры» А. П. Чехова, а также комбинированная отсылка одновременно к двум каноническим предтекстам – «Война и мир» и «Преступление и наказание» в заголовке “War and Punishment” (букв. «Война и наказание») (подробнее см. [Beloglazova, Sergaeva, 2022]).

Репертуар прецедентных текстов, актуальных для финоязычного дискурса, включает роман Н. В. Гоголя «Мертвые души», к которому отсылает “Minne troika rientää?” (букв. Куда мчится тройка?), поэзию А.С. Пушкина (“Kokonaan en kuole: Aleksandr Puskinin elämää ja tuotantoa” (букв. Весь я не умру: жизнь и творчество Александра Пушкина). А заголовок “Varastettua ilmaa: varaita esseitä Venäjältä” (букв. Ворованный воздух: свободные эссе о России) отсылает читателя к высказыванию О. Мандельштама [Мандельштам, 1971]. При этом в некоторых случаях прецедентный текст предстает в виде транслитерированной цитаты:

Е. г. 33: Govorit Moskva – Moskova puhuu: Venäjän strategisen viestinnän erityispiirteet (букв. Govorit Moskva – Москва говорит: особенности российской стратегической коммуникации).

Таблица 2

Стилистические черты заголовков руссоцентрического дискурса

Table 2

Stylistic markers of headlines in Russia-centered discourse

Маркер дискурса	Rossica-T-Eng	Rossica-T-Fi	Rossica-T-Jap
Аллитерация	E. g. 22: Leningrad. Siege and Symphony (букв. Ленинград: блокада и симфония).	E. g. 23: Varastettua ilmaa: vapaita esseitä Venäjästä (букв. Ворованный воздух: свободные эссе о России).	E. g. 24 「:ゴグとマゴグ」 (букв. Гог и Магор). 「おいしいロシア」 (букв. Вкусная Россия [Осисий Росиа]).
Антитеза	E. g. 25: Lost and Found in Russia: Lives in the Post-Soviet Landscape (букв. Потерянные и нашедшиеся в России: жизни в постсоветском ландшафте).	E. g. 26: Venäjä: uhka vai mahdollisuus?: avointa keskustelua Suomen Venäjä-suhteesta (букв. Россия: угроза или возможность?: открытая беседа об отношениях Финляндии и России).	E. g. 27: 夕暮れに夜明けの歌を 文学を探しにロシアに行く (букв. Песнь рассвета в сумерках: в Россию в поисках литературы).
Интертекстуальность	E. g. 28: Alexander I: Tsar of War and Peace (букв. Александр I: царь войны и мира).	E. g. 29: Minne troikka rientää? (букв. Куда мчится тройка?).	E.g. 30: 頭じゃロシアはわからない (букв. Головой Россию не понять)

Примечательно, что прецедентным текстом не обязательно выступает русская классика; одним из наиболее активных предтекстов в англоязычном материале является книга Дж. Рида “Ten Days That Shook the World” (1919) (букв. «Десять дней, которые потрясли мир»), явственные отсылки к которой пронизывают весь дискурс о России на протяжении уже более века. Для финского дискурса наиболее продуктивным предтекстом является песня группы Beatles “Back in the USSR”, отсылка к которой предстает в финском материале и как “Takaisin Neuvostoliittoon” (“Назад в Советский союз”), и как “Takaisin Venäjälle” (“Назад в Россию”).

Широкое использование прецедентных текстов в финском подкорпусе (10 % против 4 % в Rossica-T-Eng) свидетельствует о более прочных и узко-направленных культурно-исторических связях между Финляндией и Россией, что обусловлено географическим фактором и общим историческим прошлым [Kangas, 2011].

Стилистические приемы часто вводятся в заголовок как единый комплекс, создавая эффект выдвижения, «фокусируя внимание читателя на определенных элементах сообщения» [Арнольд, 2021. С. 99].

В лексическом отношении отметим две яркие особенности рассматриваемого дискурса – введение в заголовок указания на жанр и использование ксенонимов описываемой культуры (табл. 3).

Интересной особенностью анализируемого материала является включение названия жанра в состав самого заголовка, что способствует активации в сознании читателя определенных черт жанрового канона и созданию некоторой стереотипизированной модели подачи материала.

ла (см. примеры 34–36 в табл. 3). Жанровый репертуар достаточно широк и включает травелог, биографию, библиографию, мемуар, дневник, путеводитель, впечатления, зарисовки, историю, эссе, анекдоты, легенды и некоторые другие.

Таблица 3

Лексические черты заголовков руссоцентрического дискурса

Table 3

Lexical markers of headlines in Russia-centered discourse

Маркер дискурса	Rossica-T-Eng	Rossica-T-Fi	Rossica-T-Jap
Указание на жанр	E. g. 34: Russia's People of Empire: <i>Life Stories</i> from Eurasia, 1500 to the Present (букв. Российские люди империи: жизненные истории из Евразии...).	E. g. 35: <i>Bisnesopas Venäjän valloittajille: suhteita, shakkia ja shampanjaa</i> (букв. Бизнес-гид для завоевателей России: отношения, шахматы и шампанское).	E. g. 36: NHK ラジオ まいにちロシア語 (букв. Радио NHK: уроки русского языка каждый день).
Ксеноним	E. g. 37: White terror: Cossack warlords of the Trans-Siberian	E. g. 38: <i>Stalinismin lyhyt kurssi. Suomalaiset Moskovan Lenin-koulussa 1926–1938</i> (букв. Краткий курс сталинизма: финны в московской школе Ленина).	E. g. 39: コサックのロシア – (букв. Казачья Русь...)

К наиболее ярким и узнаваемым лексическим маркерам названного дискурса также относятся ксенонимы-русизмы (е. г. англ. *czar*, *bolshevik*, фин.: *bolshevismi*, *duuma*; яп. [росиа], [косакку], etc.).

Применительно к рассматриваемому материалу отметим ряд особенностей их функционирования.

Во-первых, графические приемы выделения ксенонимов (капитализация, курсив), традиционно служащие в европейских языках для их выдвижения и облегчения рецепции, систематически не работают в заголовках, где графическое оформление следует не правилам, а эстетическим представлениям оформителя. Как следствие, ксенонимы сливаются с окружением, что накладывает некоторые ограничения на их репертуар, который, фактически, суживается до базовых ксенонимов.

В отношении ксенонимов японский язык принципиально отличается от европейских языков, привлекаемых в нашем исследовании. Как отмечает В. М. Алпатов и другие исследователи [Алпатов, 1976; Карнова, 2013], лексикон японского языка образует три четко выделяемые подсистемы: (1) ваго – подсистема исконной лексики, (2) канго – подсистема заимствований из китайского, (3) гайрайго – подсистема заимствований из европейских языков. Разграничению канго и гайрайго способствует разный механизм заимствования: китаизмы попадают в японский язык через письменную речь посредством прямого переноса иероглифов, в то время как гайрайго попадают преимущественно из устной речи и в языке фиксируется их фонетический облик, т. е. в случае канго механизм заимствования – трансплантация иероглифов, а в случае гайрайго – транскрипция с помощью специально для этих целей использующегося алфавитного письма катакана [Otake, 2008]. Так, именно катаканой записывается название страны «Россия» – ロシア [росиа], и имя президента Путина – プーチン [путин] в заголовке

プーチン幻想 「ロシアの正体」と日本の危機 (букв. Фантазии Путина: истинная идентичность России и японский кризис).

Помимо катаканы, современный японский язык также активно использует латиницу для введения заимствований, причем в том числе и заимствований из нелатиноалфавитных языков, к каковым относится русский:

Е. g. 40: 諜報国家ロシア—ソ連 K G B からプーチンの F S B 体制まで (букв. Национальная разведка в России – от Советского КГБ до путинского ФСБ).

В приведенном заголовке присутствует два русизма, введенных в латинской транслитерации.

Во-вторых, тяготеющий к краткости, заголовок отдает предпочтение односложным номинациям, что влечет за собой доминирование формально заимствуемых ксенонимов (основанных на транскрипции, транслитерации, реже – кальке) и отказ от гибридных и комплексных стратегий их введения.

Так, Дж. Рид [Reed, 1918], описывая политическое устройство новосозданного Советского государства, вводит в текст описания серию ксенонимов, систематически сопровождая заимствование поясняющим переводом: “the Soviets (or Councils) of Workers”, “Volost, or Township, Soviet”. Подобная развернутая стратегия неприменима в жанре заголовка, где ксенонимы вводятся без пояснений и, нередко, в малоинформативном контексте: “From Tsar to Soviets: The Russian people and their revolution”.

Но именно чужеродность и непрозрачность и мотивирует введение ксенонимов, самой своей непрозрачностью создающих эффект загадочности и экзотичности.

Крайне частотны ксенонимы-имена. В основном авторы предпочитают вводить прецедентные антропонимы и топонимы, за которыми встает определенное готовое, нередко мифологизированное, содержание. К таким, безусловно, узнаваемым, обросшим мифами именам относятся «Петр I (Великий)», «Сталин».

Из прецедентных топонимов опорными для руссоцентрического дискурса оказываются «Москва» и «Петербург/Ленинград». Для англоязычного дискурса актуальна также Siberia (Сибирь). Как подтверждают и количественные данные, именно Siberia является самым плодотворным топонимическим ксенонимом, актуализирующим широчайший набор ассоциаций [см. Белоглазова, Кабакчи, 2020].

Для финского подкорпуса характерным можно считать упоминание топонимов приграничных или географически близких территорий, например Latvasaari ‘Лауватсаари’, Vienanmeri ‘Белое море’, что показывает концентрацию интереса на стратегически и исторически важных для Финляндии регионах. Представленные примеры также демонстрируют и другую отличительную черту – использование преимущественно финских вариантов топонимов, а не переводных, как в англо- и японоязычном дискурсе. Это объясняется, в первую очередь, историческими и географическими причинами: на упоминаемых территориях проживали финно-угорские народы, что способствовало появлению финно-угорского субстрата в топонимике края [Киришева, 2006].

При общей установке на узнаваемость и доступность в отдельных случаях автор может пойти по пути нагнетания загадочности, обозначив прецедентную фигуру непрозрачной номинацией:

Е. g. 41: Koba the Dread: Laughter and the Twenty Million (букв. Коба Грозный: смех и двадцать миллионов), где И. В. Сталин именуется комбинацией своей партийной клички «Коба» и не самым распространенным вариантом кальки прозвища «Грозный».

Подводя предварительный итог обзору маркеров руссоцентрического дискурса на поверхностном уровне, обратим внимание на то, что все отмеченные выше черты объединяет общее концептуальное ядро – они все могут рассматриваться как вербализации концепта РОССИЯ. Однако при этом они соотносятся с разными слотами этого концепта. Рассмотрим подробнее,

из каких составляющих выстраивается данный концепт и какие в нем выделяются содержательные доминанты.

Выявление **содержательных доминант** руссоцентрического дискурса основывается на двух подходах: категоризация основных (первые 15 в списке) ключевых слов подкорпусов и глубинный анализ корпусных данных, сопровождающий семантическое аннотирование подкорпусов (см. табл. 4).

Таблица 4

Содержательные доминанты руссоцентрического дискурса

Table 4

Conceptual mainstays of the Russia-centered discourse			
Параметр	Rossica-T-Eng	Rossica-T-Fi	Rossica-T-Jap
А. Ключевые слова	Russia (Россия), Russian (русский), Muscovy (Московия), Soviet (Советский); czar/tsar (царь); Putin, Stalin, Peter, Ivan, history (история), terror (террор), war (война)	Venäjä (и слово-формы) Россия; Venäläinen (и слово-формы) (русский); Neuvostoliitto (Советский Союз); Suomi Финляндия; Putin; Aleksandr; Autonomian (автономия); Tapakulttuuri (повседневная культура)	ロシア (Россия), プーチン (Путин), ドゥストエフスキ (Достоевский), トルストイ (Толстой) 文学 (литература), ロシア語 (русский язык), 戦争 (война), キリスト教 (христианство)
Б. Лексико-семантические поля	Россия Власть Война/угроза Культура Тайна Протяженность/величие	Россия Культура Личные впечатления Власть Международные отношения Экономика	Россия Война Литература Власть Красота Международные отношения

Рассмотрим результаты категоризации ключевых слов.

Оговоримся, что под «ключевыми словами» в корпусной лингвистике понимаются слова, которые отличает нетипичная частотность [Scott, 1997. С. 236]. Понятие было введено М. Скоттом для выявления слов, «ведущих» себя в корпусе культурно-специфическим образом, анализ которых позволяет проникнуть в сущность социально значимых концептов [Scott, 1997. С. 233]. Таким образом, фокус на ключевые слова действительно дает возможность выявить тот самый особый ракурс, отличающий рассматриваемый дискурс, как он представлен в заголовках.

Первые 15 ключевых слов рассматриваемых подкорпусов (см. табл. 4, А) оказываются частично соотносимыми. Так, во всех вариантах дискурса можно констатировать представленность категорий «идентичность страны» (вербализована названиями страны) и «политический строй». Однако если для английского языка эти категории будут доминантными и детализированными, то в японоязычном варианте дискурса они представлены минимально. Для финского дискурса также важной оказывается категория «позиционирование своей страны», представленная такими ключевыми словами, как Suomi (‘Финляндия’) и Autonomian (‘автономии’). Это связано с особенностями исторических взаимоотношений Финляндии и России: в 1809–1917 гг. Финляндия являлась частью Российской империи, сохраняя автономный

статус; подчеркивание своей автономии и национальной идентичности явственно прослеживается с XIX века, на протяжении советского периода, когда стране важно было сохранить дружеские добрососедские отношения с Советским Союзом, но в то же время показать свою независимость от него для западного мира. В японском дискурсе на передний план выступает тема культуры, представленная наиболее выпукло и охватывающая язык, литературу и религию описываемой страны.

Анализ содержательных доминант также выявляет общие и культурно-специфические составляющие (см. табл. 4). Так, для английского дискурса специфичным оказывается концепт ТАЙНА, для финского – ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ, для японского – КРАСОТА. Различаются лингвокультурные дискурсы и степенью доминантности той или иной составляющей.

Безусловно, глубокий анализ невозможен без учета широкого контекста, отсутствующего в нашем материале, а потому относится к перспективам дальнейшего исследования. Однако и сейчас возможно обобщить некоторые наблюдения.

Заключение

Проведенное исследование на материале англо-, финно- и японоязычного дискурса о России позволяет говорить о коррелирующих маркерах руссоцентрического дискурса в генетически и типологически различающихся языках. Так, на поверхностном уровне были выявлены сходные лексические, синтаксические и стилистические черты; на глубинном уровне анализ показал наличие общего ядра дискурса – сходных слотов, из которых конструируется концепт РОССИЯ.

В то же время обнаружились и лингвокультурно-специфические черты, которые в целом сводятся к различиям в выборе репрезентантов той или иной категории средств: так, наблюдаются различия в репертуаре ксенонимов и прецедентных текстов и имен.

Выявленные различия носят не только качественный, но и количественный характер, т. е. определяются выраженностью того или иного маркера.

В то же время, как бы ни соблазнительно было снабдить выявленные маркеры статистическими параметрами, мы вынуждены признать ограниченность этого подхода к изучаемому дискурсивному материалу.

Безусловно, полученные корпусные данные позволяют без труда подсчитать частотность репрезентантов на поверхностном уровне, однако вдумчивый анализ показывает важность учета имплицитных и контекстуальных средств выражения смыслов, что делает невозможной механическую корреляцию единиц поверхностного и глубинного уровней дискурса.

Так, важным мотивом руссоцентрического дискурса является позиционирование России в сети международных отношений с ее соседями/врагами/партнерами. Этот мотив вербализуется открытым множеством языковых средств, включая лексические (наименования стран-партнеров и типов отношений); синтаксические (конструкции [N и N]; [N или N]; [от N к N] и др.); стилистические (метафоры, аллюзии, раскрывающие ту или иную оценочность; антиномии и аллитерации, усиливающие смысловые параллели).

В то же время казалось бы семантически перекликающиеся элементы при ближайшем рассмотрении оказываются соотносимыми с разными концептами. Так англ. “cold” может быть вербализацией как концепта ХОЛОД, так и концепта МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Генитивная конструкция может участвовать в конструировании образа России сквозь призму отношений принадлежности, вербализуя в одних случаях концепт ВЕЛИЧИЕ, а в других – ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Сделанные наблюдения, лишь намеченные в настоящей статье, подтверждают гипотезу о наличии, с одной стороны, универсальных лингвистических механизмов иноязычного описания культуры, а с другой – своего лингвокультурно обусловленного канона руссоцентри-

ческого дискурса, формируемого под влиянием идеолого-мировоззренческих особенностей авторизирующей лингвокультуры.

Список литературы

- Алпатов В. М. О соотношении заимствованных элементов в системе японского языка // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 87–95.
- Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–24.
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, 2021. 114 с.
- Ван Дейк, Т. А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 111–160.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
- Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. М.: Юрайт, 2020. 253 с.
- Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 17.07.2023).
- Карнова Т. С. Заимствования в японском языке: гайрайго // Актуальные проблемы современной лингвистики. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 49–54.
- Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 19 с.
- Мандельштам О. Четвертая проза // Собр. соч. в 4 т. Т. 2: Проза. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1971. URL: http://lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/chetwertaya_proza.txt (дата обращения: 17.07.2023).
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 140 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманитарный ин-т, 1995. С. 35–73.
- Шкловский В. Б. Тетива: О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с. URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/tetiva.htm> (дата обращения: 17.07.2023).
- Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Круг, 1925. URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения: 17.07.2023).
- Beloglazova E. V., Kabakchi V. V. Siberia / Sibir / Sibir' / Sybir: What's in a Name? // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, No. 12. P. 1902–1913. DOI 10.17516/1997-1370-0693
- Beloglazova E. V., Sergaeva Yu. V. Titular creativity in Rossica: can you know a book by its cover? // Когнитивные исследования языка. 2022. No. 2(49). P. 516–520.
- Churchill W. Text of Winston Churchill's Radio Address // New York Times, October 2, 1939. P. 6.
- Kangas A. Beyond Russophobia: A practice-based interpretation of Finnish–Russian/Soviet relations // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46 (1). P. 40–59.
- Lewison G., Hartley J. What's in a title? Numbers of words and the presence of colons // Scientometrics. 2005. Vol. 63. P. 341–356.
- Otake M. P. Gairaigo – Remodelling Language to Fit Japanese. Tokyo Seitoku University Faculty of Humanities Bulletin. 2008. No. 15. P. 87–101.
- Reed J. The Structure of the Soviet State. URL: <https://www.marxists.org/archive/reed/1918/state.htm> (дата обращения: 17.07.2023).
- Scott M. PC analysis of key words - and key key words. System. 1997. Vol. 25(2). P. 233–245.

References

- Alpatov V. M.** On the place of borrowed elements in the system of the Japanese language. *Voprosy Yazykoznaviya*, 1976, № 6, pp. 87–95. (in Russ.)
- Arnol'd I. V.** The significance of the strong position for literary text interpretation. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1978, no 4, pp. 23–24. (in Russ.)
- Arnol'd I. V.** Stylistics. Modern English. Moscow, Flinta publ., 2021, 114 p. (in Russ.)
- Beloglazova E. V., Kabakchi V. V.** Siberia / Sibir / Sibir' / Sybir: What's in a Name? *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 12, pp. 1902–1913. DOI 10.17516/1997-1370-0693
- Beloglazova E. V., Sergaeva Yu. V.** Titular creativity in Rossica: can you know a book by its cover? *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2022, no. 2(49), pp. 516–520.
- Churchill W.** Text of Winston Churchill's Radio Address. *New York Times*, October 2, 1939, p. 6.
- Gal'perin I. R.** Text as an object of linguistic research. Moscow, Nauka publ., 1981, 138 p. (in Russ.)
- Kabakchi V. V., Beloglazova E. V.** Introduction to Interlinguaculturology. Moscow, Urait publ., 2020, 253 p. (in Russ.)
- Kangas A.** Beyond Russophobia: A practice-based interpretation of Finnish–Russian/Soviet relations. *Cooperation and Conflict*, 2011, vol. 46 (1), pp. 40–59.
- Karasik V. I.** Linguicultural concepts: approaches to research. *Sociolinguistics yesterday and today*, 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (accessed: 17.07.2023) (in Russ.)
- Karnova T. S.** Loans in Japanese: gairaigo. *Topical issues of modern linguistics*. St. Petersburg: SPbGEU, 2013, pp. 49–54. (in Russ.)
- Kirisheva T. I.** Russian toponymics of Finno-Ugric origin on the Onega peninsula territory: abstract of candidate dissertation. Ekaterinburg, 2006, 19 p. (in Russ.)
- Lewison G., Hartley J.** What's in a title? Numbers of words and the presence of colons. *Scientometrics*, 2005, vol. 63, pp. 341–356.
- Mandelshtam O.** Fourth pose. In *Mandelshtam O. Collection of works in 4 volumes. Vol. 2. Prose*. New York: "Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo", 1971. URL: http://lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/chetwertaya_proza.txt (accessed: 17.07.2023). (in Russ.)
- Otake M. P.** Gairaigo-Remodelling Language to Fit Japanese. Tokyo, Seitoku University Faculty of Humanities Bulletin, 2008, no. 15, pp. 87–101.
- Reed J.** The Structure of the Soviet State. URL: <https://www.marxists.org/archive/reed/1918/state.htm> (accessed: 17.07.2023).
- Scott M.** PC analysis of key words - and key key words. *System*, 1997, vol. 25(2), pp. 233–245.
- Shklovsky V. B.** Bowstring: On Dissimilarity of the Similar. Moscow, Sovetskii pisatel' publ., 1970, 376 p. URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/tetiva.htm> (accessed: 17.07.2023). (in Russ.)
- Shklovsky V. B.** On the Theory of Prose. Moscow, Krug publ., 1925. URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (accessed: 17.07.2023). (in Russ.)
- Slyshkin G. G.** Linguacultural concepts of precedent texts. Moscow, Academia publ., 2000. 140 p. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S.** Alternative World, Discourse, Fact, and the Principle of Causality. *Language and Science of the Late XX Century*. Moscow, 1995, pp. 35–73. (in Russ.)
- Van Dijk T. A.** News as discourse. *Language. Cognition. Communication*. Moscow, Progress publ., 1989, pp. 111–160. (in Russ.)

Информация об авторах

Белоглазова Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Осьмак Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой языков Северной Европы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Шувалова Екатерина Константиновна, старший преподаватель кафедры восточных языков и лингводидактики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Information about the Authors

Elena V. Beloglazova, Doctor of Sciences (Philology), head of the English for Professional Purposes Department, Herzen State Pedagogical University

Natalia A. Osmak, Candidate of Sciences (Philology), head of the Northern European Languages Department, Herzen State Pedagogical University

Ekaterina K. Shuvalova, senior lecturer of the Eastern Languages and Applied Linguistics department, Herzen State Pedagogical University

*Статья поступила в редакцию 02.08.2023;
одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 17.01.2024*

*The article was submitted 24.08.2023;
approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 17.01.2024*